

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2025 Том 30, № 2

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2025

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2025 Vol. 30, №2

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2025

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2025 Том 30, № 2

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Дашковский П. К.</i> Вторичные захоронения в погребальной обрядности пазырыкской культуры Алтая: результаты исследования и интерпретация	7
<i>Суслова С. В., Донина Л. Н.</i> Ювелирные украшения волго-уральских татар в контексте этнокультурных традиций Евразии: итоги этнолого-технологического исследования	40
<i>Подушкин А. Н., Стамкулова Г. А.</i> Погребальные сооружения и археологические комплексы могильника Кызылколь 1 (по материалам раскопок 2022 г.)	59
<i>Добжанский В. Н., Ермолаев А. Н., Горлышкин Н. Е.</i> К проблемам раннего этапа освоения русским населением бассейна реки Иня в Кузнецкой котловине в конце XVII — начале XVIII в.	74

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Альбедиль М. Ф.</i> Непал: этноконфессиональная мозаика.....	97
<i>Досмурзинов Р. К.</i> Обычай давра в похоронной обрядности казахского народа.....	115
<i>Дробышев Ю. И.</i> Представления о целях вторжения Чингис-хана в страны ислама в мусульманской историографии до 1260 г.	126
<i>Файзуллина Г. Ч., Кадирова Э. Х.</i> Махр как условие заключения никаха у тюрко-татарского населения Тобольской губернии в XIX — начале XX в. (по материалам метрических записей)	142
<i>Ли Хуэй.</i> Мифологическое существо Лун в китайской коллективной культурной памяти.....	156
<i>Сень Д. В.</i> Первый Северо-Кавказский съезд горских евреев в Нальчике (1926 г.).....	166

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Хаймурзина М. А.</i> Особенности распространения конфуцианских храмов в период чжурчжэньского государства Цзинь	183
<i>Монгуш А. В.</i> Атеистическая пропаганда в Туве как элемент государственно-конфессиональной политики СССР в 1954–1964 гг.....	198
<i>Шмакова А. С., Шутова М. А., Кравцова А. Д.</i> Трансформация статуса буддизма на Корейском полуострове в период Корё (918–1392) и первой половине Чосон (1392–1600).....	220

ДЛЯ АВТОРОВ	238
--------------------------	-----

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2025 Vol. 30, № 2

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Dashkovskiy P.K.</i> Secondary burials in the funeral rituals of Pazyryk culture of Altai: research results and interpretation	7
<i>Suslova S.V., Donina L.N.</i> Jewelry of the Volga-Ural Tatars in the context of the ethno-cultural traditions of Eurasia: the results of the ethnological and technological research	40
<i>Podushkin A.N., Stamkulova G.A.</i> Funeral structures and archaeological complexes of the Kyzylkol 1 burial ground (based on materials from excavations in 2022)	59
<i>Dobzhanskii V.N., Ermolaev A.N., Gorlyshkin N.E.</i> On the Issue of the Early Stage of Russian Colonization of the Inya river basin in the Kuznetsk basin at the Late 17 th and Early 18 th Centuries	74

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Albedil M.F.</i> Nepal: an ethno-religious mosaic	97
<i>Dosmurzinov R.K.</i> The Kazakh folk custom of davra	115
<i>Drobyshev Yu.I.</i> Ideas about the goals of Chingis Khan's invasion to the countries of Islam in Muslim historiography before 1260	126
<i>Faizullina G.C., Kadirova E.H.</i> Mahar as a condition for concluding a nikah among the Turkic-Tatar population of the Tobolsk province in the 19 th — early 20 th centuries (based on metric records)	142
<i>Li Hui</i> The mythological creature Lun in chinese collective cultural memory	156
<i>Sen' D.V.</i> I North Caucasian Congress of Mountain Jews in Nalchik (1926)	166

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Khaymurzina M.A.</i> Specifics of Confucian temples' spread during the Jurchen state of Jin	183
<i>Mongush A.V.</i> Ftheistic propaganda in Tuva as an element of the state-confessional policy of the ussr in 1954–1964	198
<i>Shmakova A.S., Shutova M.A., Kravtsova A.D.</i> Transformation of the status of Buddhism on the Korean peninsula during the periods of Goryeo (918–1392) and the first half of Joseon (1392–1600)	220

FOR AUTHORS	238
--------------------------	-----

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 902

DOI 10.14258/nreur(2025)2–01

П. К. Дашковский

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

ВТОРИЧНЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ АЛТАЯ: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

В статье представлены результаты изучения вторичных погребений в курганах № 4, 5, 6, 8, 21, 37 могильника Ханхаринский дол, который расположен в Краснощековском районе Алтайского края (Северо-Западный Алтай). В пяти из шести курганов это были одиночные погребения женщин, а в одном случае парное погребение ребенка и подростка мужского пола. Из пяти женских погребений в четырех случаях это были захоронения достаточно возрастных и даже пожилых женщин в возрасте 35–50 лет и старше 55 лет. Только в одном случае в кургане № 21 зафиксировано погребение молодой девушки в возрасте 17–19 лет. Планиграфически курганы № 4, 5, 6 и 8 образовывали одну микроцепочку, что дополнительно может указывать на родственный (клановый) характер погребений. Погребальный обряд и сопроводительный инвентарь из вторичных погребений полностью идентичны аналогичным категориям вещей из обычных захоронений умерших людей в курганах пазырыкской культуры. На основе анализа погребального инвентаря и результатов радиоуглеродного датирования установлено, что указанные курганы относятся к IV–III вв. до н. э. В пяти из шести рассмотренных курганов зафиксированы сопроводительные захоронения лошадей, что дополнительно указывает на социальный статус погребенных людей. Появление вторичных погребений у кочевников Горного Алтая в скифское время, вероятно, связано с палеодемографическими процессами, сезонными перекочевками и традицией хоронить умерших на родовых кладбищах, что имело и определенное мировоззренческое обоснование.

Ключевые слова: пазырыкская культура, вторичные погребения, Алтай, скифская эпоха, погребальный обряд, инвентарь

Цитирование статьи:

Дашковский П. К. Вторичные захоронения в погребальной обрядности пазырыкской культуры Алтая: результаты исследования и интерпретация // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30, № 2. С. 7–39. DOI 10.14258/nreur(2025)2–01.

Дашковский Петр Константинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, заведующий лабораторией этнокультурных и религиозных исследований Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия).

Адрес для контактов: dashkovskiy@fnp.asu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4933-8809>

P. K. Dashkovskiy

Altay state university, Barnaul (Russia)

SECONDARY BURIALS IN THE FUNERAL RITUALS OF PAZYRYK CULTURE OF ALTAI: RESEARCH RESULTS AND INTERPRETATION

The article presents the results of a study of secondary burials in mounds No. 4, 5, 6, 8, 21, 37 of the Khankharinsky Dol burial ground, which is located in the Krasnoshchekovsky district of the Altai Territory (Northwestern Altai). In five of the six mounds these were single burials of women, and in one case a paired burial of a child and a male teenager. Of the five female burials, in four cases these were burials of fairly old and even elderly women aged 35–50 years and over 55 years. In only one case, in mound No. 21, the burial of a young girl aged 17–19 was recorded. Planigraphically, mounds No. 4, 5, 6 and 8 formed one microchain, which may additionally indicate the related (clan) nature of the burials. The funeral rite and accompanying goods from secondary burials are completely identical to similar categories of things from ordinary burials of deceased people in the mounds of the Pazyryk culture. Based on the analysis of burial goods and the results of radiocarbon dating, it was established that these mounds date back to the 4th–3rd centuries. BC. In five of the six mounds examined, accompanying burials of horses were recorded, which further indicates the social status of the buried people. The appearance of secondary burials among the nomads of the Altai Mountains in Scythian times is probably associated with paleodemographic processes, seasonal migrations and the tradition of burying the dead in family cemeteries, which also had a certain ideological justification.

Keywords: Pazyryk culture, secondary burials, Altai, Scythian era, funeral rite, inventory

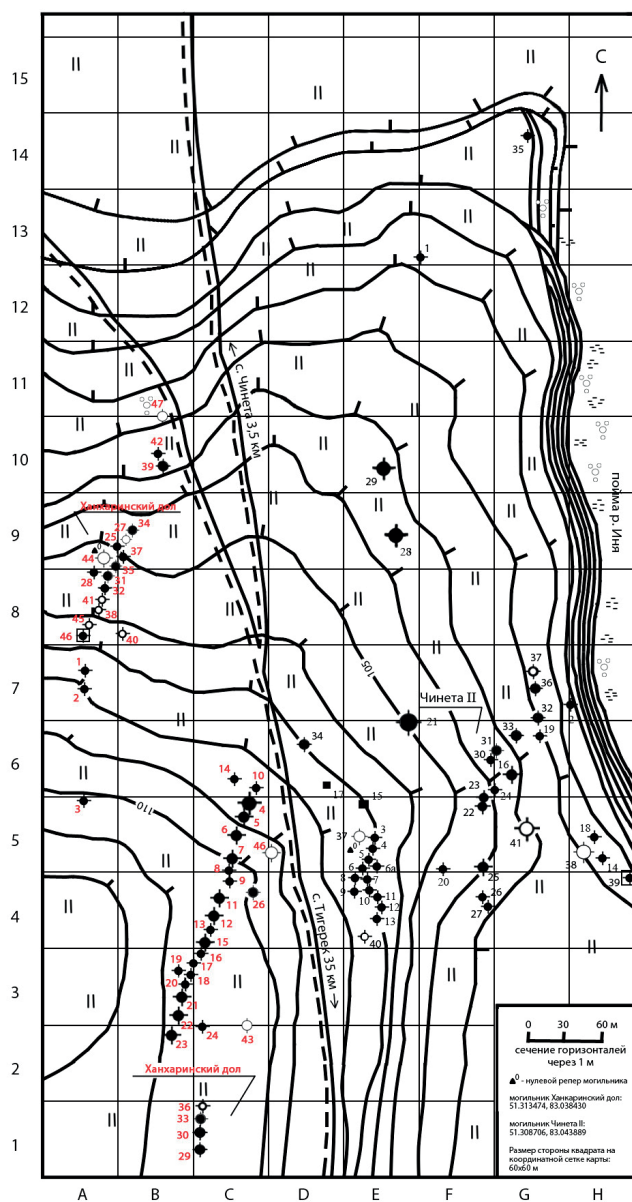

Рис. 2. План могильников Ханхаринский дол и Чинета-II
 Fig. 2. Plan of the Khankharinsky Dol and Chineta-II burial grounds

Уникальность данного некрополя обусловлена тем, что в его пределах сосредоточены памятники разных этапов пазырыкской культуры, а в курганах похоронены представители различных социальных групп — от рядовых кочевников до региональной элиты. Эти обстоятельства позволяют использовать полученные артефакты при из-

учении этнокультурных, социальных и религиозных процессов, протекавших во Внутренней Азии в скифо-сакский период. Достаточно интересной особенностью изучаемого некрополя стало то, что в процессе раскопок была обнаружена целая серия т. н. вторичных погребений. В частности, такого типа погребения были выявлены в шести курганах (№ 4, 5, 6, 8, 21, 37) на могильнике Ханхаринский дол, которые относятся к скифской эпохе. Ранее была опубликована статья в материалах конференции, в которой были представлены предварительные результаты изучения четырех вторичных погребений в курганах № 4, 5, 6, 8, на могильнике Ханхаринский дол [Дашковский, Тишкин, Тур, 2005]. В данной работе приводится комплексная характеристика как ранее раскопанных, так и вновь исследованных вторичных погребений, а также рассматриваются причины появления такой ритуальной практики. Анализ разнообразных категорий погребального инвентаря из рассматриваемых курганов будет посвящена отдельная публикация, поэтому в данном случае дается только общая его характеристика и датировка объектов.

Следует отметить, что в последние годы среди исследователей наблюдается повышенный интерес к погребениям с нарушенной анатомической целостностью, а также к постпогребальным ритуалам, которые были достаточно широко представлены у разных народов, в том числе и у кочевников степной полосы Евразии [Зайцева, 2005; Очир-Горяева, 2018].

Характеристика вторичных погребений

Поскольку основное внимание в статье уделяется анализу вторичного типа погребений, то само описание таких захоронений и инвентаря дается в кратком формате.

Курган № 4 зафиксирован в центральной части некрополя (рис. 3–4).

Рис. 3. Насыпи курганов № 4–9 могильника Ханхаринский дол после зачистки. Фото с юга

Fig. 3. The mounds of mounds No. 4–9 of the Khankharinsky Dol burial ground after clearing.

Photo from the south

Рис. 4. Насыпи курганов №5–9 могильника Ханхаринский дол после зачистки. Фото с севера

Fig. 4. The mounds of mounds No. 5–9 of the Khankharinsky Dol burial ground after clearing.

Photo from the north

Диаметр насыпи, сложенной из камней в один-два слоя, составлял 11 м. Высота сооружения — 0,1–0,3 м. В центре кургана прослеживался участок без камней, являющийся результатом просада насыпи в могильную яму (рис. 5).

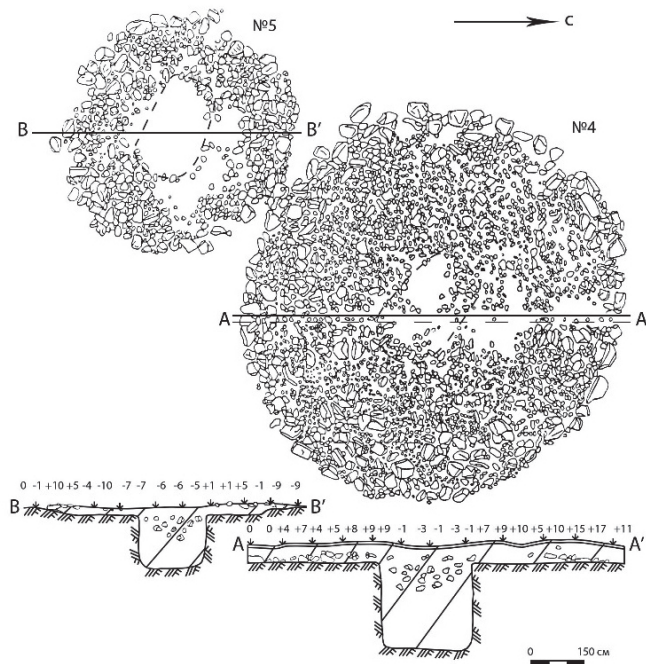

Рис. 5. План насыпей курганов №4–5 могильника Ханхаринский дол

Fig. 5. Plan of mound embankments No. 4–5 of the Khankharinsky Dol burial ground

Рис. 6. Каменные кольцевые выкладки по периметру курганов № 4–9 могильника Ханхаринский дол. Фото с юга

Fig. 6. Stone circular pavements along the perimeter of mounds No. 4–9 of the Khankharinsky Dol burial ground. Photo from the south

По периметру кургана зафиксирована кольцевая каменная выкладка (крепида) (рис. 6). Под наброской обнаружена могила, имеющая размеры 3,35×2,45×2,3 м. Могильная яма оказалась ориентирована длинной осью по линии юго-восток — северо-запад (рис. 7). Внутри нее вдоль северной, южной и восточной стенок на глубине 1,68 м выявлены деревянные плахи от продольного перекрытия, которые, вероятно, были уложены на каркас в виде рамы. В могиле обнаружены костные останки женщины в возрасте 35–50 лет с частично нарушенным анатомическим порядком (рис. 8).

Рис. 7. Погребение в кургане № 4 могильника Ханхаринский дол

Fig. 7. Burial in mound No. 4 of the Khankharinsky Dol burial ground

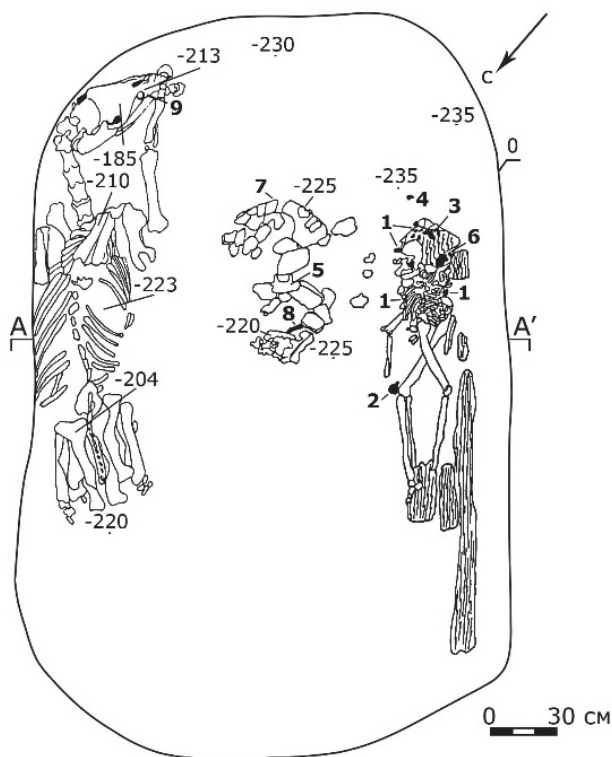

Рис. 8. План погребения в кургане №4 могильника Ханхаринский дол: 1 — золотая фольга от головного убора; 2 — бронзовое зеркало; 3 — две железные заколки с навершием, покрытым золотой фольгой; 4 — аппликации от головного убора; 5 — ритуальная пища (кости барана); 6 — черная минеральная краска от окрашивания волос (парика); 7 — керамический сосуд; 8 — железный нож; 9 — железные кольчатые удила

Fig. 8. Plan of burial in mound No. 4 of the Khankharinsky Dol burial ground: 1 — gold foil from the headdress; 2 — bronze mirror; 3 — two iron hairpins with a pommel covered with gold foil; 4 — appliques from a headdress; 5 — ritual food (ram bones); 6 — black mineral paint for hair coloring (wig); 7 — ceramic vessel; 8 — iron knife; 9 — iron ringed bits

Скелет оказался почти полным, хотя при этом череп не сочленялся с костями туловища. Анатомическая целостность позвоночного столба в поясничной части была нарушена, крестец отсутствовал, а также не зафиксировано сочленения в тазобедренных и плечевых суставах. Многие кости скелета, в том числе череп, имеют обширные резаные повреждения. Расположение этих повреждений свидетельствует в пользу того, что нарушение анатомических связей между отдельными элементами скелета в какой-то мере было связано с препарацией тела покойной. Несмотря на отсутствие связок и суставов, скреплявших туловище и конечности, взаимное расположение этих частей тела, а также головы, судя по положению костей, было близко к естественному. По-видимому, должна была существовать какая-то искусственная оболочка (одежда

или специальное покрытие), которая не позволяла разрозненным частям скелета полностью развалиться и утратить «форму тела». Костные останки были ориентированы головой на восток. Около черепа обнаружено большое скопление сажи, скорее всего, это остатки парика, и множество фрагментов золотой фольги. Золотая фольга встречалась также в области грудной клетки.

Вдоль северной стенки могилы находилось сопроводительное захоронение лошади, которая была уложена на живот с подогнутыми ногами и ориентирована головой на юго-восток (рис. 7–8). В погребении обнаружены миниатюрное бронзовое зеркало, железные удила и нож, фрагменты золотой фольги, керамический кувшин, а также ритуальная пища — кости барана.

Курган № 5 вплотную примыкал с юга, но не перекрывал курган № 4 (рис. 3–5). Насыпь, сложенная из камней в основном в один слой, имела диаметр около 6,5 м и высоту 0,15 м. По периметру кургана выделялась кольцевая каменная крепида (рис. 6). Могильная яма, выявленная под насыпью, имела размеры 2,8×1,8×1,5 м. Она была ориентирована длинной осью по линии юго-восток — северо-запад. В могиле были похоронены костные останки двух человек — ребенка 5–7 лет и подростка 14–17 лет (рис. 9–10). От скелета ребенка остался только череп без нижней челюсти и диафизы бедренных костей. К скелету подростка относились свод черепа, длинные кости конечностей (за исключением голеней), кости таза, несколько ребер и грудных позвонков. Все они имели очень плохую сохранность и были представлены фрагментами.

Рис. 9. Погребение в кургане № 5 могильника Ханхаринский дол

Fig. 9. Burial in mound No. 5 of the Khankharinsky Dol burial ground

Вдоль северной стенки могильной ямы зафиксировано сопроводительное захоронение лошади, которая была ориентирована черепом на восток (рис. 9–10). Из сопроводительного инвентаря найдены следующие предметы: железные удила и нож, два керамических сосуда, бронзовый миниатюрный кинжал, фрагменты золотой фольги, а также ритуальная пища — кости барана.

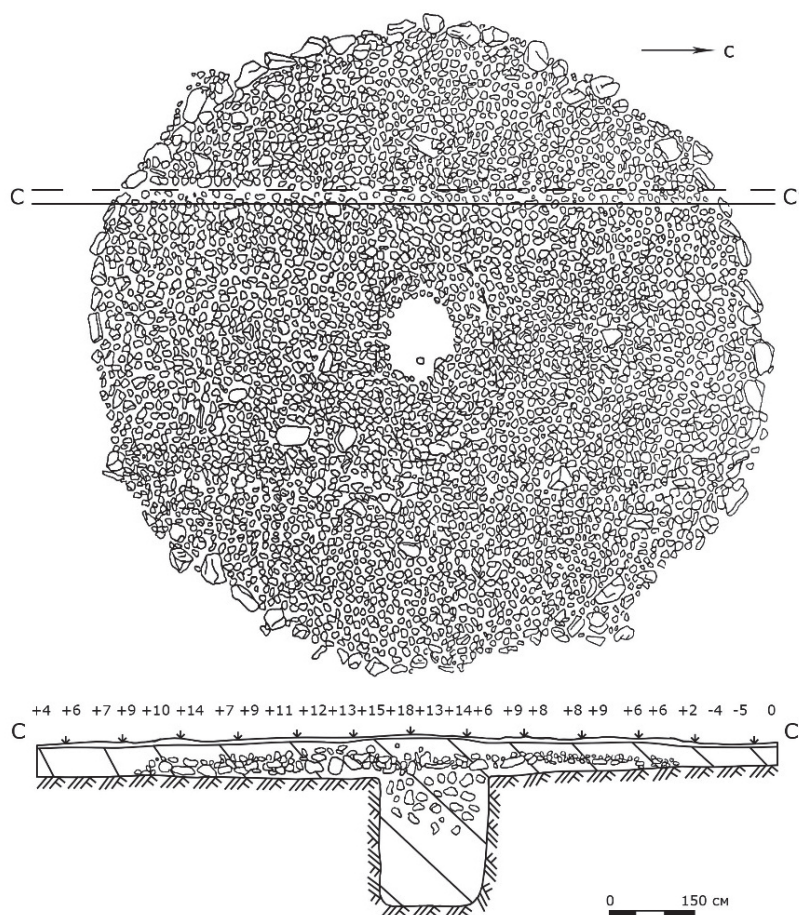

Рис. 11. План насыпи кургана № 6 могильника Ханхаринский дол

Fig. 11. Plan of the embankment of mound No. 6 of the Khankharinsky Dol burial ground

Курган № 6 располагался в 1 м от кургана № 5 (рис. 3–4, 11). Диаметр насыпи, сложенной из камней в два-три слоя, оказался около 11,5 м. Высота сооружения — 0,4–0,6 м. По периметру кургана зафиксирована кольцевая каменная крепида (рис. 6), а в центре — западина. Под насыпью, в центральной части объекта, обнаружена могильная яма размерами 3,5×2,3×2,48 м, ориентированная длинной осью по линии юго-восток — северо-запад.

В могиле обнаружены костные останки женщины в возрасте 40–55 лет (рис. 12–13). Скелет был представлен черепом и длинными костями конечностей (плечевыми, бедренными, большеберцовыми и малоберцовыми), расположение которых в целом более или менее соответствовало анатомическому порядку. Череп лежал на месте головы, основанием к костям посткраниального скелета, плечевые кости — в районе рук, бедренные и берцовые — на месте ног. Все остальные кости, за исключением фрагмента первого шейного позвонка и одной из пяточных костей, отсутствовали. На том месте, где могло бы находиться туловище покойной, лежала деревянная плаха (40x15 см). Ее костные останки располагались традиционно головой на восток. На костях отмечаются резаные повреждения. Около черепа обнаружено большое скопление сажи, по-видимому, оставшейся от парика, золотые серьги. В пространстве между черепом и плечевыми костями — фрагменты золотой фольги. Характерное расположение костей, а также наличие парика и украшений позволяют предполагать, что в могиле была захоронена кукла-манекен, конструктивными элементами которой служили костные останки покойника. Не исключено, что и деревянная плашка, оказавшаяся на месте туловища, также являлась одним из составных элементов этой антропоморфной конструкции.

Рис. 12. Погребение в кургане №6 могильника Ханхаринский дол

Fig. 12. Burial in mound No. 6 of the Khankharinsky Dol burial ground

Вдоль северной стенки могильной ямы зафиксировано сопроводительное захоронение лошади, которая была уложена на живот с подогнутыми ногами и ориентирована головой на юго-восток (рис. 12–13). Из сопроводительного инвентаря найдены две золотые серьги, железная заколка, навершие которой покрыто золотой фольгой, керамический сосуд, железный нож и остатки «мясной пищи» в виде костей животных.

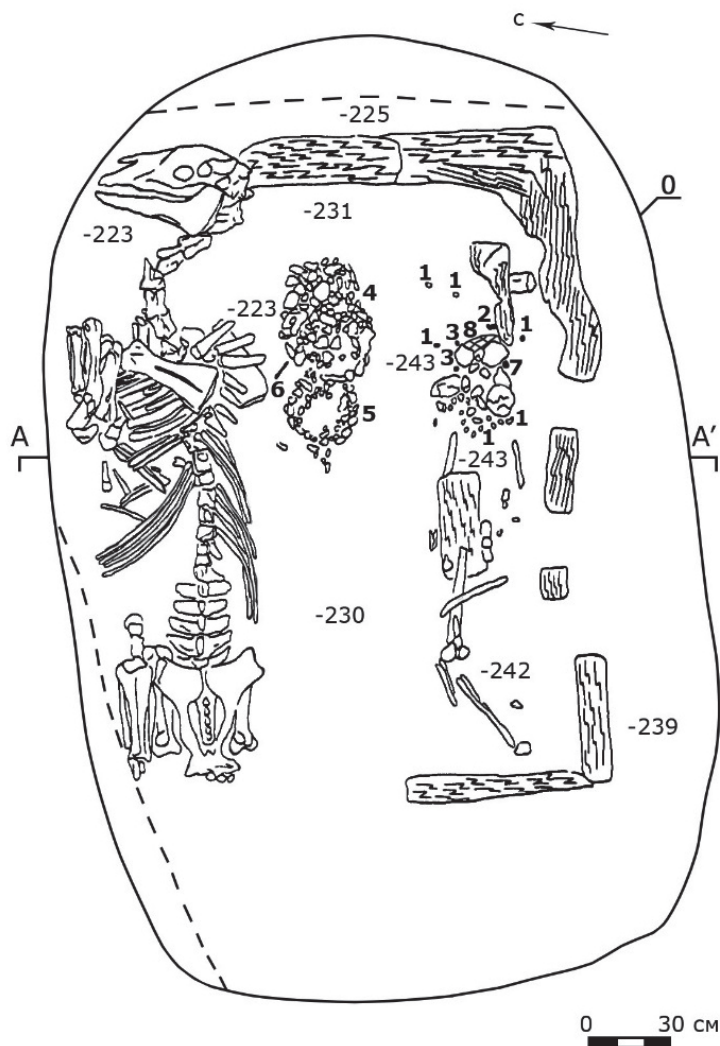

Рис. 13. План погребения в кургане №6 могильника Ханхаринский дол.

- 1 — фрагмент золотой фольги от головного убора; 2 — фрагмент аппликации из золотой фольги; 3 — золотая серьга; 4 — керамический сосуд; 5 — ритуальная пища; 6 — железный нож; 7 — железная заколка с навершием из золотой фольги; 8 — черная минеральная краска от окрашивания волос (парика)

Fig. 13. Plan of burial in mound No. 6 of the Khankharinsky Dol burial ground.

- 1 — fragment of gold foil from a headdress; 2 — fragment of gold foil appliqué; 3 — gold earring; 4 — ceramic vessel; 5 — ritual food; 6 — iron knife; 7 — iron hairpin with gold foil top; 8 — black mineral dye for hair coloring (wig)

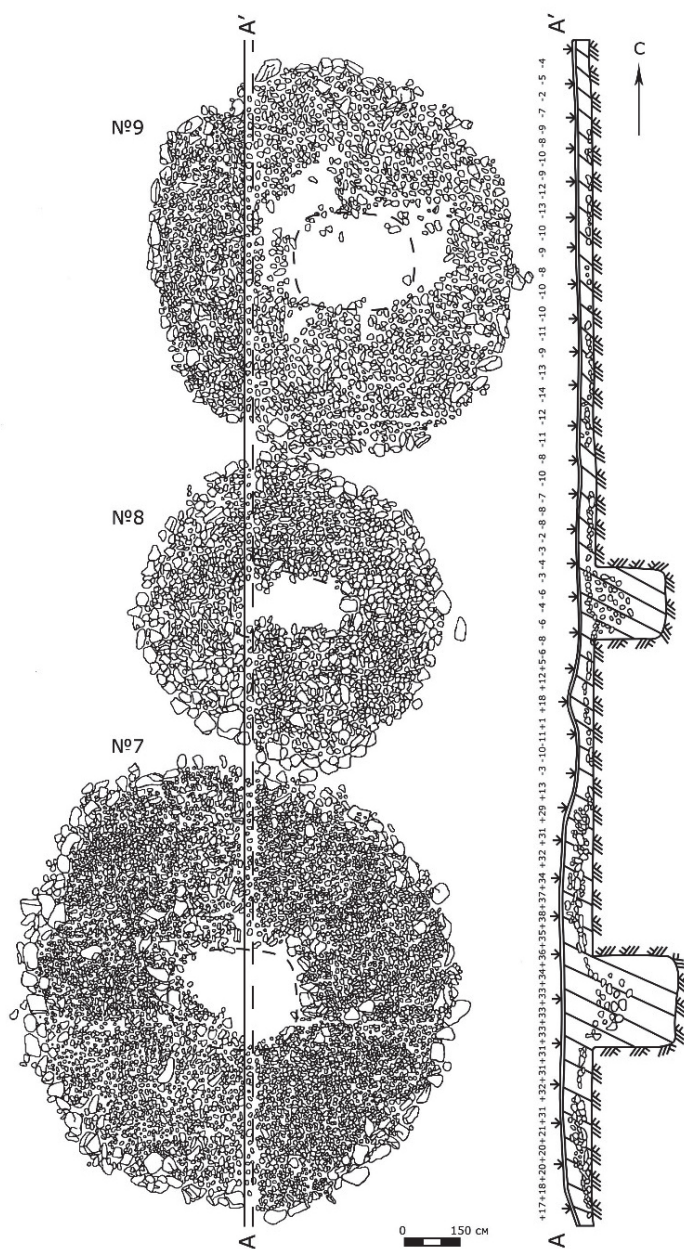

Рис. 14. План насыпей курганов № 7, 8, 9 могильника Ханхаринский дол
 Fig. 14. Plan of the mounds of mounds No. 7, 8, 9 of the Khankharinsky Dol burial ground

Курган № 8 зафиксирован в 15 м к югу от описанного предыдущего объекта № 6 (рис. 3–4, 14). Между ними был зачищен курган № 7, который содержал погребе-

ние «классического» характера, поэтому в данной работе не рассматривается. Диаметр насыпи исследованного сооружения составил 8,75 м. Высота насыпи, сложенной из камней в 2–4 слоя, достигала 0,6 м. По периметру кургана зафиксирована кольцевая каменная крепида (рис. 6). Под насыпью, в центральной части объекта, обнаружена могила размерами 3,3×2,15×1,86 м, ориентированная длинной осью по линии юго-восток — северо-запад.

Рис. 15. Погребение в кургане №8 могильника Ханхаринский дол
Fig. 15. Burial in mound No. 8 of the Khankharinsky Dol burial ground

В могиле выявлены костные останки женщины старческого возраста (старше 55 лет), в расположении которых отсутствовал анатомический порядок (рис. 15–16). Достаточно очевидно, что к моменту захоронения практически все связки, сухожилия и суставы, соединявшие кости, были разрушены, за исключением, может быть, голеней и предплечий. Несмотря на это, взаимное расположение отдельных частей скелета, а именно головы, туловища и верхних сегментов конечностей, не являлось произвольным. Ребра, позвонки и ключицы были перемешаны, однако образовали компактное скопление, к которому примыкали кости таза. С костями таза сближались головки бедренных костей. Рядом с костями грудной клетки располагались также кости рук. Судя по всему,

посткраниальный скелет был заключен в какую-то искусственную оболочку, которая до определенной степени ограничивала возможности взаимного смещения костей после того, как анатомические сочленения между ними были разрушены. В качестве такой оболочки могла служить как одежда покойника, так и специальная упаковка. Изолированный череп при захоронении был уложен в анатомически более или менее правильное положение относительно костей туловища. Совершенно неестественно располагались только голени и предплечья. Берцовые кости лежали рядом с бедренными так, что их одноименные концы (проксимальные, дистальные) были направлены в одну сторону. Кости плеча и предплечья располагались аналогично. Некоторые кости скелета (шейные позвонки, большая часть костей кисти и стопы) отсутствовали. При захоронении костные останки покойника ориентировали таким образом, чтобы голова была направлена на восток.

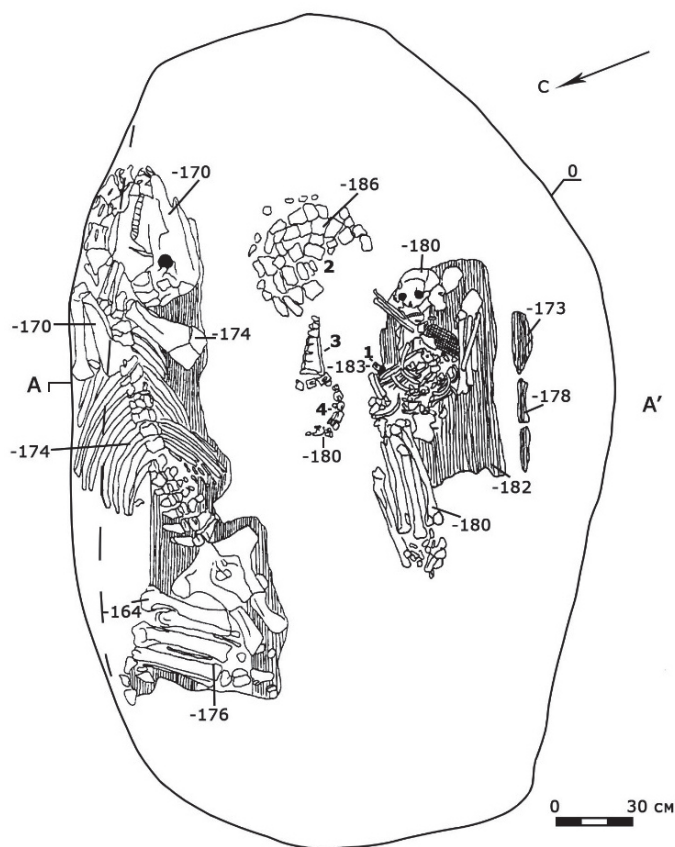

Рис. 16. План погребения в кургане №8 могильника Ханхаринский дол.

1 — бронзовое зеркало; 2 — керамический сосуд; 3 — ритуальная пища (крестец лошади);
4 — ритуальная пища (курдюк барана)

Fig. 16. Plan of burial in mound No. 8 of the Khankharinsky Dol burial ground. 1 — bronze mirror;
2 — ceramic vessel; 3 — ritual food (horse rump); 4 — ritual food (sheep tail)

Вокруг костей, а также под ними сохранился слой тлена от дерева. В пространстве между черепом и скоплением костей грудной клетки обнаружен толстый слой сажи. Все кости плохой сохранности, поверхность их сильно эрозирована, а большинство эпифизов длинных костей конечностей обломаны, вследствие чего проследить наличие или отсутствие искусственных повреждений на скелете не представляется возможным.

Останки умершей располагались, вероятно, на деревянной конструкции — ложе (?). Вдоль северной стенки погребальной камеры зафиксировано сопроводительное захоронение лошади на животе с подогнутыми ногами. Животное было ориентировано головой на юго-восток (рис. 15–16). В погребальной камере найдены маленький кусочек золотой фольги, бронзовое зеркало, керамический сосуд и остатки «мясной пищи» в виде костей животных.

Курган № 21 располагался ближе к южной части некрополя (рис. 2). Насыпь сооружения имела диаметр с севера на юг — 6,25 м, а с запада на восток — 6 м. Высота насыпи кургана, сложенной из одного-двух слоев камней, достигала 0,4 м (рис. 17–18). По периметру насыпи кургана никаких дополнительных элементов конструкции (крепиды) не прослежено. Под каменной насыпью в центральной части кургана обнаружена могила, ориентированная длинной осью по линии север — юг, которая имела следующие размеры 2,8×2,1×1,5 м. Внутри могилы после выборки грунта на глубине 1,3–1,35 м обнаружены остатки деревянной конструкции в виде рамы (?) очень плохой сохранности (рис. 19–20). В то же время наиболее хорошо прослеживаются остатки двух продольных плах вдоль длинных стенок могилы и одной поперечной вдоль западного сектора. Ширина сохранившихся плах от 0,1 до 0,3 м. Не исключено, что вся конструкция была перекрыта сверху деревянными плахами, так как по ее площади выше скелета человека местами прослежен древесный тлен.

Рис. 17. Насыпь кургана № 21 могильника Ханхаринский дол после зачистки. Фото с севера

Fig. 17. The embankment of mound No. 21 of the Khankharinsky Dol burial ground after clearing.

Photo from the north

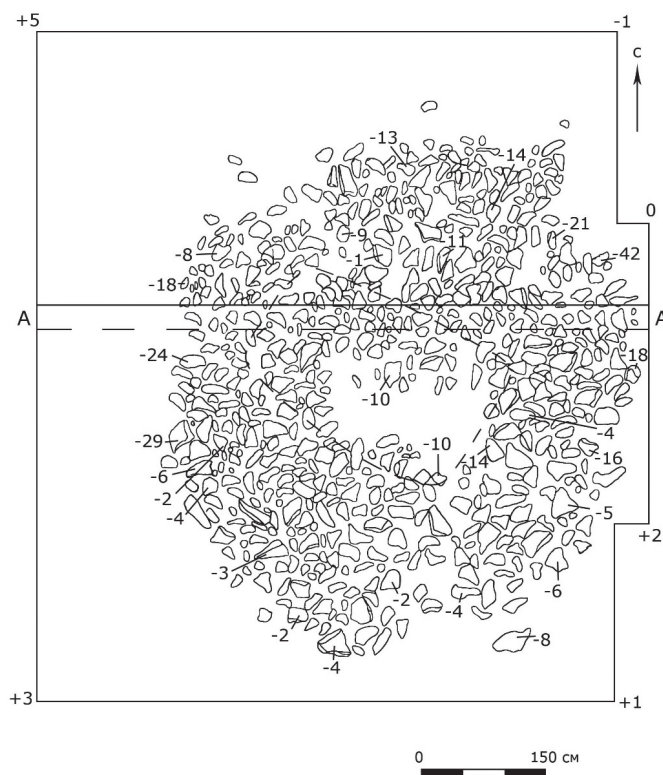

Рис. 18. План насыпи кургана №21 могильника Ханхаринский дол
 Fig. 18. Plan of the embankment of mound No. 21 of the Khankharinsky Dol burial ground

Рис. 19. Погребение в кургане №21 могильника Ханхаринский дол
 Fig. 19. Burial in mound No. 21 of the Khankharinsky Dol burial ground

На глубине 1,5 м вдоль юго-западной стенки деревянной конструкции обнаружен вторичное захоронение женщины в возрасте 17–19 лет. Умершая был ориентирован головой на юго-восток. У женского скелета оказались существенно смещенными в сторону бедренных костей берцовые кости. Кроме того, была смещена нижняя часть черепа, который находился немного в стороне от остального скелета. Левая лучевая и локтевая кости были обнаружены в 10 см к северо-западу от правой плечевой кости. Судя по расположению костей, к моменту погребения женщины почти все связки, сухожилия и суставы, соединявшие кости, были разрушены. При этом взаимное расположение отдельных частей скелета не было произвольным.

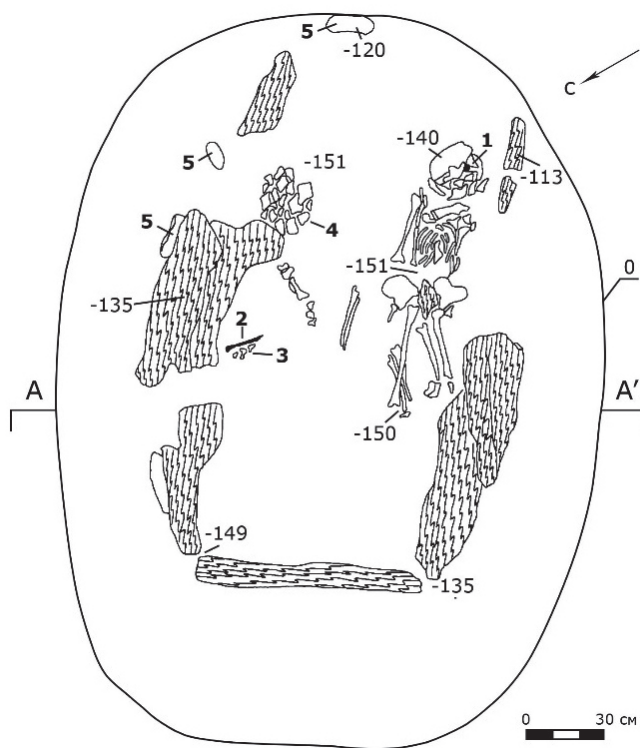

Рис. 20. План погребения в кургане № 21 могильника Ханхаринский дол:

1 — серебряная (?) серьга; 2 — железный нож; 3 — ритуальная пища;

4 — керамический сосуд; 5 — камень

Fig. 20. Plan of burial in mound No. 21 of the Khankharinsky Dol burial ground:

1 — silver (?) earring; 2 — iron knife; 3 — ritual food; 4 — ceramic vessel; 5 — stone

Под черепом обнаружена бронзовая серьга. В 0,4 м к востоку от скелета у восточной стенки рамы (?) выявлен развал керамического сосуда, ниже которого находились кости барана (ритуальная пища) и железный нож.

Курган № 37 выявлен в северной части могильника Ханхаринский дол (рис. 2). Диаметр каменной насыпи, сложенной в два слоя из мелких и средних по размеру камней,

составлял ссевера на юг — 8,25 м, а с запада на восток — 8,75 м. Высота сооружения из камня достигала 0,4 м, а вместе со слоем грунта — 0,5 м (рис. 21–22).

Рис. 21. Насыпь кургана №37 могильника Ханхаринский дол после зачистки.

Фото с юго-востока

Fig. 21. The embankment of mound No. 37 of the Khankharinsky Dol burial ground after clearing.

Photo from the southeast

В центре кургана прослежена западина диаметром с севера на юг — 2,5 м, а с запада на восток — 3 м. По периметру кургана выявлена крепида из более крупных камней диаметром с севера на юг — 8,25 м, а с запада на восток — 8,75 м. В центральной части под насыпью кургана выявлена могильная яма подпрямоугольной формы с округлыми углами, ориентированная по линии северо-запад — юго-восток. Она имела следующие размеры по уровню древнего горизонта: 2,9×2,05×2,15 м (рис. 23–24).

Глубина могилы дана от нулевого репера. На глубине 1,89 м обнаружено деревянное перекрытие внутримогильной конструкции в виде рамы (?). Удалось установить, что перекрытие было из 9 плах. Длина плах 0,7–1,17 м, ширина — 0,1–0,3 м. От рамы сохранилось фрагменты трех плах вдоль северной и восточной стенок могилы. В могиле обнаружено вторичное погребение женщины в возрасте старше 50 лет, которая была уложена в вытянутом положении на спине и ориентирована головой на восток. Большеберцовые и малоберцовые кости были существенно смещены в сторону бедренных костей, которые в свою очередь тоже находились выше своего обычного расположения и существенно ближе к плечевым и лучевым костям.

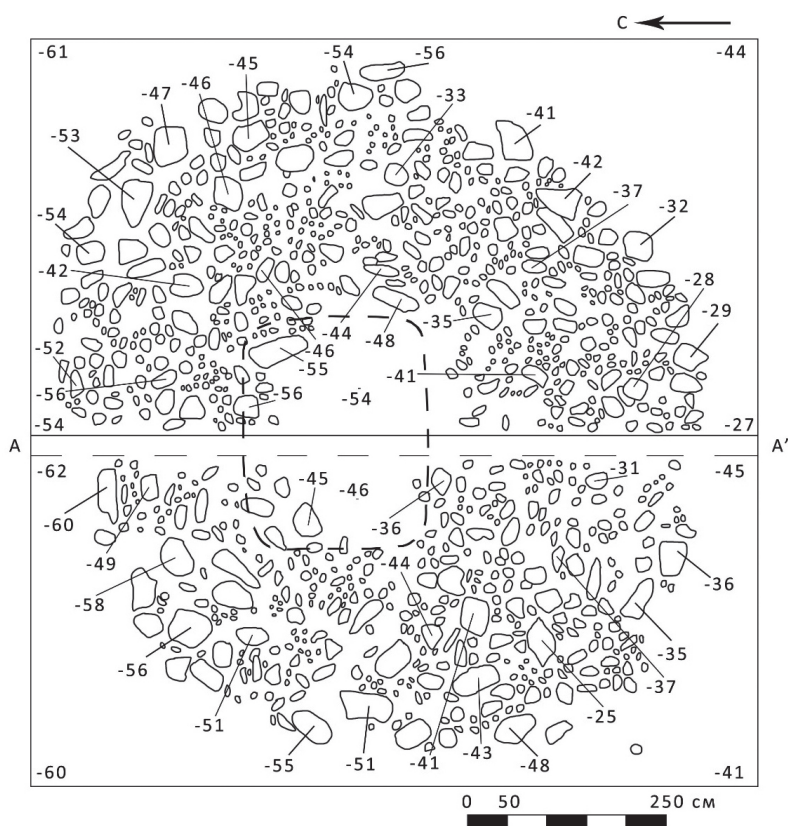

Рис. 22. План насыпи кургана №37 могильника Ханхаринский дол
 Fig. 22. Plan of the embankment of mound No. 37 of the Khankharinsky Dol burial ground

Рис. 23. Погребение в кургане №37 могильника Ханхаринский дол
 Fig. 23. Burial in mound No. 37 of the Khankharinsky Dol burial ground

Вдоль северной стенки могильной ямы на глубине 1,44–1,68 м зафиксировано сопроводительное захоронение лошади. Животное было уложено с подогнутыми копытами на живот и ориентировано головой на восток (рис. 23–24).

Погребальный инвентарь из вторичных погребений достаточно разнообразный и включает в себя бронзовые миниатюрные зеркала (к. № 4, 6, 8, 37), железные ножи (к. № 4, 5, 6, 21, 37), восьмеркообразные серьги, в том числе изготовленные из золота (к. № 6, 21), железные удила (к. № 4, 5), бронзовая модель кинжала (к. № 8), а также керамическая посуда, выявленная во всех погребениях. Указанные категории предметов имеют устойчивые аналогии среди памятников пазырыкской культуры, исследованных в разных районах Алтая [Кубарев, 1987; 1991; 1992; Сорокин, 1974; Полосьмак, 2001; Кирюшин, Степанова, 2004; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003; Дашковский, 2023; Суразаков, 1989; Могильников, 1983а; 1983б; Кубарев, Шульга, 2007; Самашев, 2011]. Кроме того, в кургане № 4 обнаружен женский головной убор в виде колпака островерхой формы, который был сшит из двух симметричных половинок с небольшими полями, украшенный аппликациями из золотой фольги [Дашковский, 2024]. Итоги изучения погребального инвентаря будут представлены в отдельной работе. В данном случае отметим, что сравнительно-исторический анализ сопроводительного инвентаря позволяет отнести курганы № 4, 5, 6, 8, 21 и 37 могильника Ханхаринский дол к пазырыкской культуре и датировать в пределах IV–III вв. до н. э. Кроме того, планиграфически курганы № 4, 5, 6 и 8 входят в одну микрогруппу — курганный цепочку и сооружены совсем с небольшим интервалом. Курганы № 21 и 37 находятся соответственно к югу и северу от указанной микрогруппы, но на основе анализа погребального обряда и инвентаря также датируются в пределах IV–III вв. до н. э. Археологическое датирование в целом нивелируется с результатами радиоуглеродного анализа образцов, взятых из некоторых рассматриваемых курганов [Тишкин, Дашковский, 2007; Дашковский, Тишкин, 2015].

Интерпретация вторичных погребений

Все рассмотренные выше погребения не содержали никаких признаков ограбления или осквернения. Зафиксированные особенности расположения костей позволяют сделать вывод о том, что все захоронения были совершены через более или менее длительный промежуток времени после смерти, когда тело покойника частично или почти полностью разложилось.

Несмотря на то, что наличие вторичных погребений на могильниках скифской эпохи Горного Алтая не является широко распространенным явлением, тем не менее встречается. В частности, такие объекты были обнаружены на Средней Катуні при исследовании курганов на могильнике Верх-Еланда-2 [Степанова, Неверов, 1994: 19, рис. 7.-2; 21, рис. 10.-2], хотя первоначально данному явлению не придали серьезного значения.

Более пристальное внимание данной особенности погребальной обрядности древних кочевников уделил А. П. Бородовский после исследования погребений на некрополях Барангол-2, 4, Чултуков Лог 1, 2, на территории которых, наряду с обычными захоронениями, зафиксирован целый ряд вторичных — курганы № 1–4 [Бородовский, 2000: 204–205, рис. 1.-3, 7, 11, 12; Бородовский, Бородовская, 2013: 44–51]. Правда, ко-

личество вторичных погребений, выявленных на могильнике Барангол-2, автором раскопок указывается различное. Первоначально было отмечено, что в пределах данного памятника выявлено четыре кургана, в которых зафиксированы вторичные погребения последней трети I тыс. до н. э. (III–II вв. до н. э.) [Бородовский, 2000: 198]. В последующий период изучения данной проблематики исследователи отметили, что на Барангольском некрополе из 32 захоронений два вторичных погребения исследовано на могильнике Барангол-2 и 1 — на памятнике Барангол-4, т. е. меньше, чем указывалось ранее. Кроме того, на некрополе Чулуков лог-1 из 86 погребений три оказалось тоже вторичными. Наконец, еще на одном памятнике Чулуков лог-2 раскопано всего 7 курганов раннего железного века, два из которых тоже носили вторичный характер [Бородовский, Бородовская, 2013: 51].

А. П. Бородовский и Е. Л. Бородовская сделали ряд важных наблюдений относительно ритуальной практики вторичных погребений у кочевников Горного Алтая скифской эпохи. Во-первых, вторичный погребальный обряд у населения Западной Сибири и Алтая в эпоху бронзы и раннем железном веке никогда не имел распространения в полном объеме, который предусматривал периодическое перезахоронение полностью освобожденных от мягких тканей останков умерших людей. Зафиксированные вторичные погребения кочевников на могильниках нижней Катунь демонстрировали разные стадии разложения трупов, что свидетельствовало о достаточно длительных сроках перед совершением вторичной обрядности [Бородовский, Бородовская, 2013: 51]. Во-вторых, по мнению А. П. Бородовского, на позднем этапе существования у особой этно-территориальной группы, оставившей Барангольский некрополь, скотоводческое хозяйство стало более подвижным, а расстояния перекочевок существенно увеличились. Вследствие этого возникла необходимость хранить останки умерших в определенное время перед основным погребением, а затем везти их на родовое кладбище. Так, по его мнению, могли появиться коллективные вторичные погребения среди курганов с обычными одиночными захоронениями [Бородовский, 2000: 205].

Ориентация останков умерших во вторичных одиночных и коллективных захоронениях осуществлялась головой на восток, юго-восток, юго-запад [Бородовский, Бородовская, 2013: 46–51]. Последнее направление соответствовало преобладающей традиции на могильниках Барангол-1,2 и имеет архаичный характер. При этом умершие были размещены во внутримогильной конструкции в виде рамы, а при исследовании погребений фиксировались следы огня, который, вероятно, выполнял особую очистительную роль. Размеры могильных ям для вторичных погребений отличались близким стандартом и наибольшей глубиной для всего некрополя. Количество сосудов и кусков жертвенной пищи всегда соответствовало числу погребенных, но разделочный нож всегда был один.

Кроме того, важно отметить, что вторичные погребения на могильниках скифского времени, исследованных в районе нижнего течения Средней Катунь, выявлены как под насыпью курганов с каменной насыпью, так и в грунтовых могилах, расположенных в межкурганном пространстве. В последнем случае такое захоронение носило ярусный характер и свидетельствовало о неоднократном проникновении в могилу с ритуальными целями. Что касается сопроводительного инвентаря из указанных

объектов, то по своему составу он практически не отличался от предметного комплекса, выявленного не во вторичных погребениях [Бородовский, Бородовская, 2016: 135–145]. Важно отметить, в районе среднего и нижнего течения Катунь вторичные погребения обнаружены в курганах, которые относятся не совсем к кругу классических памятников пазырыкской культуры. В данном случае исследователи отмечают, что такие объекты исследованы либо на могильниках так называемой северо-пазырыкской погребальной традицией [Бородовский, Бородовская, 2016: 146] или тыткескенского варианта пазырыкской культуры [Тишкин, Дашковский, 2003: 167]. Либо они обнаружены на некрополях, которые демонстрируют межкультурное взаимодействие, поскольку на таких памятниках выявлены погребения северопазырыкского, кара-кобинского типов и захоронения быстринской культуры [Бородовский, Бородовская, 2018: 146]. Некоторые исследователи особо обратили внимание на то, что вторичные погребения со следами действия огня, наряду с погребальной конструкцией в виде рамы и отсутствием сопроводительных захоронений лошадей, не является типичными чертами погребального обряда пазырыкской культуры [Кубарев, Шульга, 2007: 11].

В то же время результаты исследования погребений на могильнике Ханкаринский дол позволяют дополнить сделанные выводы относительно рассматриваемого феномена. Во-первых, необходимо отметить, что раскопки более 40 курганов на некрополе Ханкаринский дол показали, что значительная часть исследованных курганов может быть отнесена именно к классическим памятникам пазырыкской культуры. При этом в начале XXI в. считалось, что одной из специфичных черт памятников скифской эпохи Северо-Западного Алтая является очень редкое количество сопроводительных захоронений лошадей [Шульга, 2003: 115–116]. В то же время установлено, что данный признак зафиксирован примерно в 37% погребений кочевников Горного Алтая, датированных пазырыкским временем. При этом на могильнике Ханкаринский дол эта особенность зафиксирована существенно чаще, чем в других районах Алтая, и составляет примерно 50%.

Данное обстоятельство, а также наличие погребений региональной элиты на могильнике Ханкаринский дол указывает на то, что на этом могильнике похоронены лица с более высоким социальным статусом, чем на других памятниках Северо-Западного Алтая, датированных скифским временем. Примечательно, что из шести вторичных погребений, выявленных на могильнике Ханкаринский дол, в пяти случаях зафиксированы сопроводительные захоронения лошадей. Во-вторых, важно отметить половозрастной состав погребенных. В пяти из шести курганов это были одиночные погребения женщин (курганы № 4, 6, 8, 21, 37), а в одном случае парное погребение ребенка и подростка мужского пола (курган № 5). Среди женских погребений обращает на себя внимание тот факт, что в четырех случаях это были захоронения достаточно возрастных и даже пожилых женщин в возрасте 35–50 лет и старше 55 лет. Только в одном случае в кургане № 21 зафиксировано погребение молодой девушки в возрасте 17–19 лет. Среди исследованных вторичных погребений в курганах скифского времени в районе нижнего и среднего течения Катунь также обнаружены преимущественно женские вторичные погребения, что хорошо видно и по инвентарю [Бородовский, Бородовская, 2013: 46–51; 2016; Степанова, Неверов, 1994].

В-третьих, следует особо обратить внимание на наличие на костях искусственных повреждений, нанесенных острым инструментом, свидетельствует в пользу того, что тела умерших людей в той или иной мере препарировали [Дашковский, Тишкин, Тур, 2005]. Такие особенности были зафиксированы непосредственно в экспедиционных исследованиях антропологом Светланой Семеновной Тур, за что автор выражает ей особую благодарность. Вместе с тем предпринимались меры, чтобы костные останки покойника, полностью или частично утратившие анатомические сочленения вследствие естественного разложения мягких тканей или их препарации, не развалились и сохраняли антропоморфные очертания. В качестве искусственной оболочки, позволяющей сохранить «форму тела», могла использоваться одежда погребенного или специальное покрытие. Логическим завершением этой тенденции представляется изготовление куклы-манекена на основе черепа и длинных костей конечностей покойника. Отмеченная практика обращения с телами покойников на могильнике Ханхаринский дол находит определенные аналогии в Минусинской котловине [Murphy, 2004: 122–132].

Надо отметить, что наличие компактных скоплений костей, лежавших в приблизительном анатомическом порядке, отмечалось при исследовании многих погребений скифского времени на могильнике Аймырлыг в Туве. В процессе раскопок были обнаружены захоронения полуразложившихся трупов или очищенных костей. В некоторых погребениях вместе со скоплениями костей, лежавших в приблизительном анатомическом порядке, были обнаружены остатки кожаных чехлов или одежды, служившей, по-видимому, для них мешком [Мандельштам, 1983: 27; 1992: 181].

Следует отметить, что вторичные погребения фиксируются в погребальной обрядности разных народов Сибири начиная с эпохи неолита и вплоть до этнографической современности [Зайцева, 2001: 97]. При этом исследователи, рассматривая разные варианты интерпретации подобной практики, опираясь на широкую источниковую базу, пришли к следующим выводам. Во-первых, причины появления вторичных погребений могут носить как ритуальный, так и не ритуальный характер. Во-вторых, в классическом варианте вторичное погребение предполагает перезахоронение костей, освобожденных от плоти, что обусловлено особенностями восприятия периода завершения траурного цикла только после полного разложения тела покойного [Зайцева, 2005: 24]. В-третьих, анализ этнографических и археологических материалов по Западной Сибири показал, что в регионе фиксировалось два варианта вторичных погребений. Первый вариант был обусловлен обстоятельствами смерти человека и сезонностью процесса погребения, связанной прежде всего со сложностью похоронить человека в Сибири в зимний период. Второй вариант вторичного погребения предполагает относительно длительный период (до трех лет), за который происходит полное скелетирование трупа. При этом исследователи отмечают, что точных данных кого и почему хоронили по второму способу нет, но не исключают, что это могло быть связано с определенным социальным статусом или обстоятельствами смерти. Кроме того, считается то такой обряд демонстрирует определенные универсальные представления о фазах смерти, которые хорошо просматриваются через концепт «предки — кости — возможность новой жизни» в угорской, самодийской и в тюркской религиозно-мифологической традициях [Зайцева, 2005: 25].

По мнению Э. М. Мерфи, практика вторичных погребений в скифское время на территории Евразии, вероятнее всего, связывается с сезонными миграциями и необходимостью хоронить покойников на родовых кладбищах [Murphy, 2004: 122–132]. Действительно, у кочевников Центральной Азии, как в эпоху поздней древности, так и в Средневековье, широко была распространена практика погребать умерших в определенное время года — обычно ранней весной или осенью. Выявленная закономерность сезонности погребений у кочевников горных районов Алтая в пазырыкское время объясняется как палеодемографическими процессами, так и определенными мировоззренческими представлениями [Руденко, 1953; 1960; Полосьмак, 2001: 238–255; Тишкин, Дашковский, 2003: 136–144, 253–254]. Наличие указанного типа погребений свидетельствует о существовании у кочевников традиции хоронить своих умерших в пределах родовых (клановых) могильников. В данном случае исследователи неоднократно указывали на семейно-клановый характер курганных цепочек, в которых хоронили, как правило, умерших, связанных родственными узами [Шульга, 1989; Кубарев, 1991: 25; Марсадалов, 2000: 70; Тишкин, Дашковский, 2003]. Могильники, которые включали две или более цепочки, возможно, оставлены несколькими родственными общинами или кланами [Суразаков, 1992: 53]. Родственный характер погребенных в могилах и в пределах курганных цепочек пазырыкской культуры подтверждается и палеогенетическими исследованиями, которые стали активно проводить на современном этапе [Самашев, Фаизов, Базарбаева, 2001: 22]. Наличие вторичных погребений женщин в достаточно зрелом и преклонном возрасте вполне закономерно, поскольку, вероятно, сезонные или вынужденные перекочевки были для них особенно тяжелы. При этом особо нужно отметить, что средняя продолжительность женщин в кочевом обществе в рассматриваемый период составляла около 30,4 лет, а мужчин — 34,6 лет [Тишкин, Дашковский, 2003: 196]. В этой связи примечательно, что во вторичных погребениях выявлен относительно большой процент именно возрастных и преклонного возраста женщин.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование показало, что в курганах № 4, 5, 6, 8, 21, 37 могильника Ханхаринский дол обнаружены погребения вторичного характера. Сравнительно-исторический подход позволил отнести указанные курганы к пазырыкской культуре и датировать в пределах IV–III вв. до н. э. В пяти из шести курганах были похоронены женщины, а одном объектах выявлено парное погребение ребенка и подростка мужского пола. При этом планиграфически курганы № 4, 5, 6 и 8 образовывали одну микроцепочку, что дополнительно может указывать на родственный (клановый) характер погребений. Курганы № 21 и № 37 планиграфически располагались к югу и к северу от указанных объектов. Погребальные сооружения и сопроводительный инвентарь из вторичных погребений ничем особо не отличался от аналогичных категорий вещей из «классических» погребений. Важно также обратить внимание на то, что в пяти из шести рассмотренных курганов зафиксированы сопроводительные захоронения лошадей, что дополнительно указывает на социальный статус погребенных людей. Основная причина появления практики вторичных погребений у кочевников Горного Алтая в скифское время, вероятно, связана с палеодемографическими процес-

сами, сезонными перекочевками и традицией хоронить умерших на родовых кладбищах, что имело и определенное мировоззренческое обоснование.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бородовский А. П. Вторичные погребения эпохи раннего железа на Нижней Катунь (по материалам Барангольского некрополя) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XI. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 197–200.

Бородовский А. П., Бородовская Е. П. Археологические памятники горной долины нижней Катуни в эпоху палеометалла. Новосибирск : Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2013. 220 с.

Бородовский А. П., Бородовская Е. П. Вторичные погребения раннего железного века горной долины нижней Катуни // Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления. СПб. : ИИМК РАН, 2016. С. 134–146.

Дашковский П. К. Чинетинский археологический микрорайон на Алтае: краткий путеводитель. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2023. 72 с.

Дашковский П. К. Реконструкция головного убора и датировка артефактов из кургана № 4 могильника пазырыкской культуры Ханхаринский дол (Алтай) // Археология евразийских степей. 2024. № 5. С. 8–20.

Дашковский П. К., Тишкин А. А. Новые данные по радиоуглеродному датированию кургана № 5 могильника Ханкаринский дол (Алтай) // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 119–125.

Дашковский П. К., Тишкин А. А., Тур С. С. Вторичные погребения в курганах скифского времени на памятнике Ханкаринский дол // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 62–68.

Зайцева О. В. Вторичные погребения: проблемы изучения и интерпретации // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории : материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск : Изд-во Томского ун-та, 2001. С. 96–98.

Зайцева О. В. Погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка: методика исследования и возможности интерпретации : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2005. 28 с.

Кирюшин Ю. Ф., Степанова Н. Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. Ч. III. 292 с.

Кирюшин Ю. Ф., Степанова Н. Ф., Тишкин А. А. Скифская эпоха Горного Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. 234 с.

Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск : Наука, 1987. 302 с.

Кубарев В. Д. Курганы Юстыда. Новосибирск : Наука, 1991. 190 с.

Кубарев В. Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск : Наука, 1992. 220 с.

Кубарев В. Д., Шульга П. И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007. 282 с.

Мандельштам А. М. Исследования на могильном поле Аймырлыг: некоторые итоги и перспективы // Древние культуры Евразийских степей. Л. : Наука, 1983. С. 25–33.

Мандельштам А. М. Ранние кочевники на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М. : Наука, 1992. С. 178–196.

Марсадолов Л. С. Планиграфия могильников Горного Алтая VI–IV вв. до н. э. // Пятые исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Омск: ОмГУ, 2000. С. 69–72.

Могильников В. А. Курганы Кызыл-Джар I, VIII — памятники пазырыкской культуры Алтая // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск : ГАНИИЯЛ, 1983а. С. 3–39.

Могильников В. А. Курганы Кызыл-Джар II–V и некоторые вопросы состава населения Алтая во второй половине I тыс. до н. э. // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск : ГАНИИЯЛ, 1983б. С. 40–71.

Очир-Горяева М. А. Следы погребальных обрядов в курганах скифской эпохи степей Евразии // Древние некрополи и поселения: погребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления. СПб. : ИИМК РАН, 2016. С. 113–128.

Полосьмак Н. В. Всадники Укока. Новосибирск : ИНФОЛИО, 2001. 336 с.

Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М. ; Л. : Наука, 1953. 402 с.

Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М. ; Л. : Наука, 1960. 359 с.

Самашев З. С. Берел. Алматы: Таймас, 2011. 236 с.

Самашев З. С., Фаизов К. Ш., Базарбаева Г. А. Археологические памятники и палеопочвы Казахского Алтая. Алматы, 2001. 108 с.

Сорокин С. С. Цепочка курганов времен ранних кочевников на правом берегу р. Кок-Су (Южный Алтай) // Археологические сообщения Государственного Эрмитажа. 1974. Вып. 16. С. 62–91.

Степанова Н. Ф., Неверов С. В. Курганный могильник Верх-Еланда-2 // Археология Горного Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 11–24.

Суразаков А. С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа: Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск : ГАНИИЯЛ, 1989. 165 с.

Суразаков А. С. О некоторых проблемах изучения социальных отношений населения Горного Алтая эпохи раннего железа // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск : ГАНИИЯЛ, 1992. С. 48–56.

Тишкин А. А., Дашковский П. К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. 430 с.

Тишкин А. А., Дашковский П. К. Результаты радиоуглеродного датирования памятников пазырыкской культуры Ханкаринский Дол и Яломан-III // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб. : Теза, 2007. С. 291–299.

Шульга П. И. К вопросу о планировке могильников скифского времени на Алтае // Скифо-сибирский мир (Социальная структура и общественные отношения). Кемерово : КемГУ, 1989. Ч. II. С. 41–44.

Шульга П. И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. 204 с.

Murphy E. M. Secondary burial practices in Iron Age Tuva, South Siberia // Междисциплинарные исследования в археологии. М. : Наука, 2004. Вып. 3. С. 122–132.

REFERENCE

Borodovskii A. P. Vtorichnye pogrebeniya epohi rannego zheleza na Nizhnei Katuni (po materialam Barangol'skogo nekropolya) [Secondary burials of the Early Iron Age on the Lower Katun (based on the materials of the Barangol necropolis)]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaya* [Preservation and study of the cultural heritage of Altai]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2000, iss. XI. P. 197–200 (in Russian).

Borodovskii A. P., Borodovskaya E. P. Arkheologicheskie pamyatniki gornoi doliny nizhnei Katuni v epokhu paleometalla [Archaeological sites of the Lower Katun mountain valley in the Paleometallic epoch]. Novosibirsk: Izd-vo IAiE SO RAN, 2013, 220 p. (in Russian).

Borodovskii A. P., Borodovskaya E. P. Vtorichnye pogrebeniya rannego zheleznogo veka gornoi doliny nizhnei Katuni [Secondary burials of the Early Iron Age of the Lower Katun mountain valley]. *Drevnie nekropoli i poseleniya: postpogrebal'nye ritualy, simvolicheskie zakhoroneniya i ogrableniya* [Ancient necropolises and settlements: post-burial rituals, symbolic burials and robberies]. Saint Petersburg: IIMK RAN, 2016. P. 134–146 (in Russian).

Dashkovskiy P. K. Rekonstrukciya golovnogogo ubora i datirovka artefaktov iz kurgana № 4 mogil'nika pazyrykskoi kul'tury Khanharinskii dol (Altai) [Rekonstrukciya golovnogogo ubora i datirovka artefaktov iz kurgana № 4 mogil'nika pazyrykskoj kul'tury Hanharinskij dol (Altai)]. *Arkheologiya evraziiskikh stepei* [Archaeology of the Eurasian Steppes]. 2024, no. 5. P. 8–20 (in Russian).

Dashkovskiy P. K. *Chinetinskii arheologicheskii mikroraion na Altae: kratkii putevoditel'* [Chinetinsky archaeological microdistrict in Altai: a short guide.]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2023, 72 p. (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Tishkin A. A. Novye dannye po radiouglerodnomu datirovaniyu kurgana № 5 mogil'nika Khankarinskii dol (Altai) [New data on radiocarbon dating of mound No. 5 of the Khankarinsky Dol burial ground (Altai)]. *Arkheologiya Zapadnoi Sibiri i Altaya: opyt mezhdisciplinarnykh issledovanii* [Archeology of Western Siberia and Altai: experience of interdisciplinary research]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2015. P. 119–125 (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Tishkin A. A., Tur S. S. Vtorichnye pogrebeniya v kurganakh skifskogo vremeni na pamyatnike Khankarinskii dol [Secondary burials in mounds of the Scythian period at the Khankarinsky Dol monument]. *Zapadnaya i Yuzhnaya Sibir' v drevnosti* [Western and Southern Siberia in antiquity]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2005. P. 62–68 (in Russian).

Kiryushin Yu. F., Stepanova N. F. *Skifskaya epoha Gornogo Altaya. CH. III: Pogrebal'nye komplekсы skifskogo vremeni Srednei Katuni* [The Scythian epoch of the Altai Mountains. Part III: Burial complexes of the Scythian period of the Middle Katun]. Barnaul: Izd-vo Alt. gos. un-ta, 2004, 292 s. (in Russian).

Kiryushin Yu. F., Stepanova N. F., Tishkin A. A. *Skifskaya epoha Gornogo Altaya. CH. II: Pogrebal'no-pominal'nye komplekсы pazyrykskoi kul'tury* [The Scythian Epoch of the Altai

Mountains. Funeral and memorial complexes of the Pazyryk culture]. Barnaul: Izd-vo Alt. gos. un-ta, 2003, 234 p. (in Russian).

Kubarev V. D. *Kurgany Sajlyugema* [Barrows of Sailugem]. Novosibirsk: Nauka, 1992, 220 p. (in Russian).

Kubarev V. D. *Kurgany Ulandryka* [The Mounds of Ulandryk]. Novosibirsk: Nauka, 1987, 302 p. (in Russian).

Kubarev V. D. *Kurgany Yustyda* [The Mounds of Yustida]. Novosibirsk: Nauka, 1991, 190 p. (in Russian).

Kubarev V. D., Shul'ga P. I. *Pazyrykskaya kul'tura (kurgany Chui i Ursula)* [Pazyryk culture (Chui and Ursula mounds)]. Barnaul: Izd-vo Alt. gos. un-ta, 2007, 282 p. (in Russian).

Mandel'shtam A. M. Issledovaniya na mogil'nom pole Aimirlyg: Nekotorye itogi i perspektivy [Research on the Aimirlyg burial field: Some results and prospects]. *Drevnie kul'tury Evrazijskikh stepei* [Ancient cultures of the Eurasian steppes]. Leningrad: Nauka, 1983. P. 25–33 (in Russian).

Mandel'shtam A. M. Rannie kochevniki na territorii Tuvy [Early nomads on the territory of Tuva]. *Stepnaya polosa Aziatskoi chasti SSSR v skifsko-sarmatskoe vremya*. *Arkheologiya SSSR* [Steppe strip of the Asian part of the USSR in the Scythian-Sarmatian period. Archeology of the USSR]. Moscow: Nauka, 1992. P. 178–196 (in Russian).

Marsadolov L. S. Planigrafiya mogil'nikov Gornogo Altaya VI–IV vv. do n. e. [Planigraphy of the burial grounds of the Altai Mountains of the VI–IV centuries BC]. *Pyatye istoricheskie chteniya pamyati M. P. Gryaznova* [Fifth historical readings in memory of M. P. Gryaznov]. Omsk: OmGU, 2000. P. 69–72 (in Russian).

Mogil'nikov V. A. Kurgany Kyzyl-Dzhar I, VIII — pamyatniki pazyrykskoi kul'tury Altaya [Kurgans of Kyzyl-Jar I, VIII — monuments of the Pazyryk culture of Altai]. *Voprosy arkheologii i etnografii Gornogo Altaya* [Issues of archeology and ethnography of the Altai Mountains]. Gorno-Altajsk: GANIYAL, 1983a. P. 3–39 (in Russian).

Mogil'nikov V. A. Kurgany Kyzyl-Dzhar II–V i nekotorye voprosy sostava naseleniya Altaya vo vtoroi polovine I tys. do n. e. [Kurgans of Kyzyl-Jar II–V and some questions of the composition of the Altai population in the second half of the I millennium BC]. *Voprosy arkheologii i etnografii Gornogo Altaya* [Questions of archeology and ethnography of the Altai Mountains]. Gorno-Altajsk: GANIYAL, 1983b. P. 40–71 (in Russian).

Ochir-Goryaeva M. A. Sledy postpogrebal'nykh obryadov v kurganakh skifskoi epohi stepei Evrazii [Traces of post-burial rites in the mounds of the Scythian epoch of the Eurasian steppes]. *Drevnie nekropoli i poseleniya: postpogrebal'nye ritualy, simvolicheskie zakhoroneniya i ogrableniya* [Ancient necropolises and settlements: post-burial rituals, symbolic burials and robberies]. Saint Petersburg: IIMK RAN, 2016. P. 113–128 (in Russian).

Polos'mak N. V. *Vsadniki Ukoka* [The Horsemen of Ukoka]. Novosibirsk: INFOLIO, 2001, 336 p. (in Russian).

Rudenko S. I. *Kul'tura naseleniya Central'nogo Altaya v skifskoe vremya* [Culture of the population of the Central Altai in the Scythian period]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1960, 359 p. (in Russian).

Rudenko S. I. *Kul'tura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya* [Culture of the population of the Altai Mountains in the Scythian period]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1953, 402 p. (in Russian).

Samashev Z. S. *Berel* [Berel]. Almaty: Taimas, 2011, 236 p. (in Russian).

Samashev Z. S., Faizov K. Sh., Bazarbaeva G. A. *Arkheologicheskie pamyatniki i paleopochvy Kazakhskogo Altaya* [Archaeological sites and paleosoils of the Kazakh Altai]. Almaty, 2001, 108 p. (in Russian).

Shul'ga P. I. K voprosu o planirovke mogil'nikov skifskogo vremeni na Altae [On the question of the planning of burial grounds of the Scythian period in Altai]. *Skifo-sibirskii mir (Social'naya struktura i obshchestvennye otnosheniya)* [Scythian-Siberian world (Social structure and public relations)]. Kemerovo: KemGU, 1989, pt. II. P. 41–44 (in Russian).

Sorokin S. S. *Cepochka kurganov vremen rannikh kochevnikov na pravom beregu r. Kok-Su (Yuzhnyy Altai)* [A chain of burial mounds from the time of the early nomads on the right bank of the Kok-Su River (Southern Altai)]. *Arkheologicheskie soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological reports of the State Hermitage Museum]. 1974, iss. 16. P. 62–91 (in Russian).

Stepanova N. F., Neverov S. V. *Kurgannyi mogil'nik Verkh-Elanda-2* [Kurgan burial ground Verkh-Elanda-2]. *Arkheologiya Gornogo Altaya* [Archeology of the Altai Mountains]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1994. P. 11–24 (in Russian).

Surazakov A. S. *Gornyy Altai i ego severnye predgor'ya v epokhu rannego zheleza: Problemy khronologii i kul'turnogo razgranicheniya* [Gorny Altai and its Northern foothills in the Early Iron Age: Problems of chronology and cultural differentiation]. Gorno-Altajsk: GANIYAL, 1989, 165 p. (in Russian).

Surazakov A. S. *O nekotorykh problemakh izucheniya social'nykh otnoshenii naseleniya Gornogo Altaya epokhi rannego zheleza* [On some problems of studying the social relations of the population of Gorny Altai of the Early Iron Age]. *Materialy k izucheniyu proshlogo Gornogo Altaya* [Materials for the study of the past of Gorny Altai]. Gorno-Altajsk: GANIYAL, 1992. P. 48–56 (in Russian).

Tishkin A. A., Dashkovskiy P. K. *Rezultaty radiouglerodnogo datirovaniya pamyatnikov pazyrykskoi kul'tury Khankarinskij Dol i Yaloman-III* [Results of radiocarbon dating of monuments of the Pazyryk culture Khankarinsky Dol and Yaloman-III]. *Radiouglerod v arkheologicheskikh i paleoekologicheskikh issledovaniyakh* [Radiocarbon in archaeological and paleoecological studies]. Saint Petersburg: Teza, 2007. P. 291–299 (in Russian).

Tishkin A. A., Dashkovskiy P. K. *Social'naya struktura i sistema mirovozzrenii naseleniya Altaya skifskoi epokhi* [The social structure and system of worldviews of the Altai population of the Scythian epoch]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2003, 430 s. (in Russian).

Zaiceva O. V. *Pogrebeniya s narushennoi anatomicheskoi celostnost'yu kostyaka: metodika issledovaniya i vozmozhnosti interpretatsii. Avtoreferat dissertatsii kand. Ist. nauk* [Burials with impaired anatomical integrity of the backbone: research methodology and interpretation possibilities. Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences]. Novosibirsk, 2005, 28 p. (in Russian).

Zaiceva O. V. *Vtorichnye pogrebeniya: problemy izucheniya i interpretatsii* [Secondary burials: problems of study and interpretation]. *Prostranstvo kul'tury v arkheologo-*

etnograficheskom izmerenii. Zapadnaya Sibir' i sopredel'nye territorii: Materialy XII Zapadno-Sibirskoj arkheologo-etnograficheskoy konferencii [The space of culture in the archaeological and ethnographic dimension. Western Siberia and adjacent territories: Proceedings of the XII West Siberian Archaeological and Ethnographic Conference]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2001. P. 96–98 (in Russian).

Shul'ga P. I. *Mogil'nik skifskogo vremeni Lokot' — 4a* [Burial ground of the Scythian period Elbow-4a]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2003, 204 p. (in Russian).

Murphy E. M. Secondary burial practices in Iron Age Tuva, South Siberia. *Mezhdisciplinarnye issledovaniya v arkheologii* [Interdisciplinary research in archaeology]. Moscow: Nauka, 2004, iss. 3. P. 122–132.

Статья поступила в редакцию: 03.12.2024

Принята к публикации: 12.05.2025

Дата публикации: 30.06.2025